

Россия также побывала в качестве контрагента конкордата, подвигли к этому исторические процессы, стремительно протекавшие в XVIII веке, – вхождение в состав Российской империи земель с преимущественно католическим населением, в частности Литвы и западной части Белоруссии, в результате третьего раздела Польши.

Анализ содержания заключаемых Апостольской Столицей после II Ватиканского собора (1962–1965 гг.) двусторонних документов, датируемых 1960–2000 годами (с Мальтой, Перу, Испанией, Польшей, Словакией и т.д.), позволяет констатировать очевидный селективный подход Ватикана к политике заключаемых соглашений.

На сегодняшний день Святым Престолом заключено более 60 двусторонних дипломатических договоров. В собственном смысле слова в современный период конкордат был заключен только с Польшей в 1993 г. До сих пор ведутся переговоры между Святым Престолом и республикой Беларусь.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР. – Тб., 1989.
2. Гражданская война в Грузии, 1991-й г. (отрывки из книги С. Жидкова «Бросок малой империи»). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ibegeo.livejournal.com/49067.html>
3. Грузинский конкордат. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/questions/concordat/
4. Конкордат. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://enc-dic.com/word/k/Konkordat-12243.html>
5. Щипков А. Соборный двор. Публицистические статьи (1991–2001). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://samlib.ru/s/shipkow_a_w/cathedralyard.shtml

**И.А. Бунин и И.С. Шмелев:
к вопросу оппозиции «внешнего» - «внутреннего»**

УДК 26/28

Полторацкая С.В.
кандидат филологических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
БДС (с м/н)
Россия, г.Белгород
poltoratskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отражении личности автора в художественном произведении. Анализируются произведения И.А. Бунина и И.С. Шмелева. В результате анализа ряда теоретических работ делается вывод о том, что авторская субъективность присутствует в произведениях художественного творчества, хотя и не всегда привлекает к себе внимание.

Ключевые слова: писатель; художественный образ; оппозиция «внешнего-внутреннего»; художественное произведение; автор; литературоведение; М.М. Бахтин; И.А. Бунин; И.С. Шмелев.

I.A. Bunin and I.S. Shmelev: about a question of "external" - an "internal" opposition

Poltoratskaya S.V.
candidate of philology,
assistant professor of the department of
social and humanitarian disciplines
of the BOS (with m/o)
Russia, Belgorod
poltoratskaya@bsu.edu.ru

Annotation. In the article a question about reflection of an author's person in a piece of art is examined. Works of I.A. Bunin and I.S. Shmelev are analyzed. As a result of analysis of a row of theoretical investigations it is concluded that the author's subjectivity is present in pieces of art, but it doesn't always attract an attention.

Key words: a writer; an artistic image; opposition of "outside-inside"; a piece of art; an author; literary studies; М.М. Bakhtin; I.A. Bunin; I.S. Shmelev.

В творчестве писатель, как человек особого рода, имеет возможность возвыситься над собой, выйти за пределы самого себя, оценить свою позицию по отношению в Богу. Каждый большой художник, являясь самоценной и уникальной личностью, интересной современникам и потомкам, в своих произведениях поднимает вопросы о том, кто такой человек, откуда он пришел, в каком

направлении движется, каково его предназначение. Личность писателя не может быть изолирована от его творений. Характеры героев в большей или меньшей степени зависимы от личностной позиции автора, его взгляда на мир, его концепции человека. Трудно назвать писателя, в творчестве которого не было попытки создания автобиографического героя с разной степенью достоверности и сближения с личностью и образом самого автора. Необходимым условием в этой связи для нас будет восстановление образа писателя, который составляет не только внешний облик человека, но и его привязанности, идеалы, вера, философия жизни, трансформированные прямо или косвенно в художественных образах

Оппозиция «внешнего - внутреннего» лежит в основе системы христианского понимания мира и человека. Внешняя сторона человека, по нашему мнению, - это портрет, речь, манеры, поступки – то, что определяет семантику слова «внешность», а внутреннее содержание представляет собой духовный мир (идеалы, ценности, вера), т. е. то, что называют наполнением человеческой души. Внешнее и внутреннее в комплексе представляет собой целостную личность, причем внешние качества находятся в тонкой зависимости от внутреннего состояния души, но тем не менее не всегда приоткрывают завесу тайны над внутренним состоянием человека. Говоря о том, что у кого-то красивое лицо, мы не сможем утверждать, что так же прекрасна его душа. Такая же тонкая связь существует и между автором и его произведением.

Проблема автора – одна из центральных и основных в науке о литературе. Л. Толстой говорил, что «автор – цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство норм и положений, а единство самобытного нравственного отношения к предмету<...> Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев, мы ищем и видим только душу самого художника» [11, с.170].

Примечательно в этом ключе высказывание великого классика Ф. Достоевского: «Истинный художник <...> в картине ли, в рассказе ли, в музыкальном ли произведении непременно будет он сам, он отразится невольно, даже против своей воли, выскажется со всеми своими взглядами, со своим характером, со степенью своего развития. Это не требует и доказательства» [5, с. 253, т. XIX].

В литературоведении особое внимание обозначенному вопросу уделял известный ученый М. Бахтин. Он писал: «Автор произведения присутствует только в целом произведении, и его нет ни в одном выделенном моменте этого целого, менее же всего в оторванном от целого содержании его. Он находится в том невыделенном моменте его, даже содержание и форма сливаются, и больше всего мы ощущаем его присутствие в форме» [1, с. 305].

При существующем многообразии подходов к толкованию категории *автора* литературоведы сходятся в том, что выделяют следующие составляющие: автор как создатель произведения, частично изображенный автор и образ автора. В дальнейшем изложении мы будем употреблять понятие *автор* преимущественно в отношении создателя произведения, который выражает определенный взгляд на действительность, посредством своего произведения.

Примечательно в этом отношении высказывание М. Бахтина: «В произведении всегда есть два героя – объективированный автор, который всегда присутствует в произведении и собственно герой. Это две предметно-волевые установки, два контекста. Контекст героев (или героя) утверждается активным контекстом автора и читателя» [2, с. 315].

Эта мысль перекликается с рассуждениями В. Халазева. Он подчеркивает, «что авторская субъективность организует произведение, порождает его художественную целостность. Автор не просто присутствует, но и доминирует в любых формах художественной деятельности» [12, с. 39].

Анализ ряда теоретических работ позволяет сделать вывод о том, что авторская субъективность присутствует в произведениях художественного творчества, хотя и не всегда приковывает к себе внимание. Б.О. Корман указывает, что наиболее простым явлением являются случаи, когда субъект речи прерывает повествование и высказывает какие-либо суждения, мысли, оценки. Подобное появление авторского «я» свойственно произведениям как И.А. Бунина, так и И.С. Шмелева, особенно в автобиографическом жанре. Литературоведы называют подобное явление в литературе непосредственным присутствием автора. Но нередко авторская субъективность проявляется через опосредованную форму (герои, ситуации, пейзаж, лирические отступления). Все это дает основание исследовать тонкое взаимодействие *автора* и *героя* в художественном произведении, обнаружить различные формы присутствия автора в

тексте и выявить авторскую позицию. Вглядываясь в мир человека в творчестве Бунина и Шмелева, далее мы коснемся авторской позиции в автобиографических произведениях заявленных писателей.

Читателю зачастую интересна личность писателя, события его жизни, мировоззрение. Однако биографические данные, воспоминания современников, письма и дневники не единственный ключ к пониманию творений художника. Тем не менее сведения о личности писателя не просто интересны, но и значимы для исследователей, в особенности для изучения автобиографических произведений.

Имя Ивана Бунина более знакомо широкому кругу читателей, а, следовательно, и знаком его портрет. Тонкие черты лица, строгий профиль, аристократический взгляд. Вглядываясь в фотографию, мы пытаемся представить грациозность его движений. Близко знавший писателя Н.А. Телешов вспоминает: «Бунин представлял собою одну из интересных фигур на «Среде». Высокий, стройный, с тонким умным лицом, всегда хорошо и строго одетый, любивший культурное общество и хорошую литературу, много читавший и думавший, очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался, легко схватывающий суть всякого дела, настойчивый в работе и острый на язык, он врожденное свое дарование отгранил до высокой степени. Литературные круги и группы, с их разнообразными взглядами, вкусами и искательством, все одинаково признавали за Буниным крупный талант, который с годами все рос и креп, и когда он был признан в почетные академики, никто не удивился; даже недруги и завистники ворчливо называли его «слишком юным академиком», но и только. Наши собрания Бунин не пропускал никогда и вносил своим чтением, а также юмором и товарищескими остротами много оживления» [10, с. 95]. Это портрет молодого Бунина. А вот Бунин на исходе жизни, французская писательница Ум-эль-Банин вспоминает: «Иван Алексеевич держался исключительно прямо, несмотря на то, что ему исполнилось 75 лет. Очень красив, статен и элегантен, у него были прекрасные седые волосы. Он казался царственно величав, выражение лица у него часто было надменное. Надменность Бунин надевал, как тогу, чтобы показать дистанцию, отделяющую гения от простых смертных» [7, с. 13].

Иван Шмелев менее популярен среди широких масс, но православный читатель его хорошо знает и любит. Профессор А.П. Черников в своем исследовании говорит о тонкой связи личности

писателя с его творческой направленностью: «Творчество Шмелева находилось в эпицентре идейно-эстетических исканий русской реалистической прозы <...> Оно также несет в себе яркий отпечаток его личности, индивидуальных черт художественного почерка и характера. Как человек И.С. Шмелев был воплощением порядочности и предельного уважения к людям. Чрезвычайно импульсивный и общительный, со страстным темпераментом и чувством юмора, искренний, прямой и деликатный – таким запомнился собратьям по перу этот «неистовый Роланд», как метко назвал однажды Шмелева А. Серафимович в письме к А. Кипену, подчеркнув при этом: «Милый человек и на редкость честный писатель». А вот свидетельство Н. Клестова, хорошо знавшего Шмелева и находившегося с ним многие годы в дружеских отношениях: «С внешней стороны Иван Сергеевич совсем не похож был на писателя: коротко стриженные волосы, маленькая темная бородка, небольшие усы. Глубоко впавшие серые глаза, большой утиный нос – тип провинциального учителя или чиновника консистории. Но как преображалось это лицо, когда Иван Сергеевич говорил об искусстве и литературе! Волнуясь, он говорил горячо, искренне, как говорится, «от души». Речь свою пересыпал образными сравнениями и словами своих персонажей...» [13, с. 127-128].

О личности писателя хорошо сказал часто общавшийся с ним публицист Владислав Маевский: «Я с трудом решаюсь говорить о характере Ивана Сергеевича. Я знаю, что не сумею достаточно ясно рассказать про глубокое благородство его души, про его доброту и сердечность; не сумею передать этот оттенок поэзии и трогательной грусти, которыми веяло от всей его личности. Его чрезвычайная мягкость, благородное изящество всего его душевного облика делали его обаятельным человеком.

Он не был способен ни на какое дурное движение душевное. Основная черта его была необыкновенное уважение человеческого достоинства во всяком человеке...» [13, с. 240].

Совсем другим представился И.С. Шмелев В.Н. Муромцевой–Буниной при первом знакомстве: «Хозяин дома, драматург Разумовский, собрал московских писателей на пьесу Шмелева. Была ли это «Среда» или просто литературный вечер? В памяти встают уютная квартира во втором этаже (по-русски) деревянного дома, гостеприимные хозяева, обильный ужин с горячими закусками. Но ярче всех я вижу Ивана Сергеевича Шмелева. Небольшого роста с

нервным асимметричным лицом, с волосами ежиком, с замоскворецкими манерами, он произвел впечатление колючего и самолюбивого человека. Видимо, он волновался и был рад приступить к чтению. Содержание пьесы выпало у меня из памяти, но, вероятно, что-то из военной жизни, так как один герой был денщик. Ян после чтения сказал:

-Вот у вас денщик говорит: «Так что, ваше благородие», - уж очень это истрепано, во всех анекдотах...

Шмелев неприятным тоном:

- А что ж, ему по-французски, что ли, говорить прикажете?

Было не в обычае услышать такой тон среди писателей. Конечно, у Яна пропала охота делать дальнейшие замечания»[8, с. 104].

Позднее, в эмиграции, В.Н. Бунина представит Шмелева уже в другом свете: «Ив<ван> С<ергеевич> трогательно учится по-английски. В нем как бы два человека: один – трибун, провинциальный актер, а другой – трогательный человек, любящий все прекрасное, доброе, справедливое» [3, с.95, т. II].

Живое представление образа писателя в сознании читателя будит воображение и помогает прочувствовать авторскую позицию, восприятие которой хотя и будет субъективным, тем не менее сблизит читателя к автору. Согласимся с рассуждением по этому поводу М. Бахтина: «Наружность нельзя брать изолированно по отношению к словесно-художественному творчеству; некоторая неполнота чисто живописного портрета здесь восполняется целым рядом моментов, непосредственно примыкающих к наружности, малодоступных или совсем недоступных изобразительному искусству: манеры, походка, тембр голоса, меняющееся выражение лица и всей наружности в те или иные исторические моменты жизни человека, выражение необратимых моментов, события жизни в историческом ряду ее течения, моменты постепенного роста человека, проходящего через внешнюю выраженность возрастов; образы юности, зрелости, старости в их пластически-живописной непрерывности – моменты, которые можно обнять выражением: история внешнего человека» [1, с. 61-62].

В русле этих рассуждений в сознании возникают автобиографические персонажи Алексея Арсеньева («Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина) и Вани («Богомолье», «Лето Господне» И.С. Шмелева). Особенно показателен герой Бунина, изображенный

писателем в разные периоды жизни (младенчество, детство, отрочество, юность, молодость) и поставленный в разные жизненные ситуации (познание мира, потеря близких, разрыв с домом, знакомства, расставания, путешествия, любовь). Форма подачи материала, выбранная Буниным, такова, что автор будто бы рассказывает свою жизнь. Неудивительно, что с момента появления произведения в печати возник вопрос о его автобиографичности, несмотря на то, что писатель выступал против такой узкой интерпретации. Автобиографическая форма помогает автору не только «излить *свою* душу» (И.А. Бунин), но выявить в характере героя общечеловечески значимые черты, те общие законы бытия, по которым движется личность. Но Арсеньев – не Бунин, это художественный образ человека, чья история жизни создана на основе биографии самого писателя. Жизненная канва в романе (детские и отроческие впечатления, гимназические годы, пора становления творческой личности) используются Буниным для изложения нравственно-философской концепции целого поколения, для обобщенного воспоминания о счастливой жизни старой России. В работе над романом Бунин учитывает свой личный опыт, но при помощи смещения пространственно-временных пластов, нарушения логической последовательности, изменения естественного хода времени, введения непрототипических имен в итоге создает обобщенный портрет времени и собирательный образ современника, вспоминающего об ушедшем детстве, отрочестве, юности, близких каждому читателю.

«История внешнего человека» в «Жизни Арсеньева» показана как бы штрихами, не сразу, урывками, но в хронологической последовательности, которая однако относительна, так как является «вспоминательной», опосредованной. Именно «Жизнь Арсеньева» выделяется рядом исследователей как летопись человеческого бытия, так называемое «житие» героя-современника. Критик Г.В. Краснов точно определяет, что «Жизнь Арсеньева» по жанру «примыкает к жизнеописаниям, возникшим в литературе XX в. – «Жизнь Василия Фивейского», «Жизнь Человека» Леонида Андреева, «Жизнь Матвея Кожемякина» Максима Горького. Это произведения о человеческих судьбах в предреволюционные годы. Бунин это время связывал с мыслью о трагической судьбе России» [4, с. 247]. Утрата Родины подталкивает писателя к созданию книги, в которой воскрешаются милые сердцу образы, заново воссоздается потерянный мир, по-

новому проживает зарю своей жизни Человек, так загадочно похожий на автора. Бунин предостерегал увлекающегося читателя от смешения его собственной судьбы с жизнью героя. И.В. Одоевцева в воспоминаниях отмечает размышления писателя по этому поводу: «Вот все думают, что «Жизнь Арсеньева» - моя автобиография. Но я о многом, об очень многом, о самом тяжелом не писал. «Жизнь Арсеньева» гораздо праздничнее моей жизни. В ней много подтасовано и подтушено. А ведь никто не верит. И мне это неприятно» [9, с. 204]. Эту самую праздничность отмечает исследователь К.И. Зайцев, ставя книгу Бунина в противовес с произведениями Набокова: «Чрезвычайно мало книг, которые доставляют читателю *радость*. Чрезвычайно мало художественных произведений, оставляющих у читателя впечатление солнца, света, воздуха» (курсив К.И. Зайцева. – С.П.) [6, с. 403]. Многие историки, культурологи, а в том числе и писатели, отмечают огромную потребность русского человека в праздничности и идущей от нее радости и красоты. Это объясняется не только антиномией русского национального характера, но и тонкой зависимостью от национальной духовной культуры, ведь неслучайно в христианстве православие считается самой праздничной религией, созидающей не только внутреннюю, но и внешнюю красоту.

Как каждый художник, Бунин обладал обостренным чувством прекрасного, вследствие чего был утонченно восприимчив ко всему, что удовлетворяло его эстетический вкус. По справедливому замечанию М.М. Дунаева, красота и духовность для Бунина - одно, а осознание того, что красота дуалистична, что она может быть пособницей не только созидания, а также разрушения для Бунина невыносимо. Этот факт, по мнению исследователя, является одной из причин такого яростного неприятия писателем творчества Достоевского, о чем свидетельствует многочисленный ряд воспоминаний современников.

Концепция красоты Шмелева родственна бунинской: в большинстве случаев истина равна красоте. Любимые герои Шмелева наделены внешней красотой, равно как и внутренней (Катичка, няня - «Няня из Москвы», Даринька - «Пути небесные», Горкин - «Богомолье», «Лето Господне»). Однако писатель не всегда лишает внешней красоты характеры, отражающие темные стороны человеческого бытия. Например, Вагаев, предавший Дариньку испытанию «наваждением, горечью и соблазном сладким, дабы ввести

<...> в страшный грех любострастия и прелюбодеяства», не лишен внешней привлекательности: «Вагаев был сегодня блестящ необычайно: в белом ментике в рукава, опущенном бобровой оторочкой, весь снежно-золотистый, яркий, пушистый, гибкий, *обворожительный*. Его настойчивые, *черные глаза*, похожие на вишни, *любовались ею откровенно*, и Даринька это понимала. Лицо Вагаева было располагающее, открытое, ничего «страшно-грешного» не чувствовалось в глазах добродушно *усмешливых*, блестящих, мягких, вдруг обливавших лаской; было скуласто даже, без всякой писаной красоты, но могло чем-то нравиться, - *усмешкой* красивых губ, вырезом подбородка или той бойкой чернявостью, от ресниц и глаз, от чего-то неуловимого в их взгляде» (выделено нами. – С.П.) [14, с. 87-90, т.V]. Однако язык портретного изображения героя заставляет задуматься верующего человека над коварством внешних прелестей. Не случайно Даринька ищет в глазах героя чего-то «страшно-грешного», и Вагаев, оправдывая ее ожидания, предстает лукавым, насмешливым и обворожительным (т. е. наделенным бесовской силой, от «ворожить»).

Итак, категория красоты в творчестве исследуемых нами писателей представляет собой главный компонент осмысления мира человека, в свою очередь являясь еще и выражением авторской позиции художников. Подобное восприятие красоты было свойственно и классической литературе XIX века, которая восходит к православной традиции эстетизировать сакральное.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб: Азбука, 2000.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста// Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. / М.М. Бахтин.– М.: Русские словари, 1997. – Т. V.
3. Бунин, И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники / Сост. М. Грин, с предисл. Ю. Мальцева: В 2 т. – М.: «Посев», 2005.
4. Бунин, И.А.: *pro et contra*: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология/ Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, коммент. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Липидус. – СПб: Русский христианский гуманитарный институт, 2001.
5. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1979.
6. Зайцев, К.И. «Бунинский» мир и «сиринский» / К.И. Зайцев // И.А. Бунин: *pro et contra*/ Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, коммент. Б.В.

Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. – СПб.: РХГИ, 2001.

7. Коваленко, Ю.И. Иван Шмелев // Коваленко, Ю.И. Москва – Париж: Очерки о русской эмиграции. Профили и силуэты/ Ю.И. Коваленко. – М.: Известия, 1991.

8. Муромцева–Бунина, Н.В. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Н.В. Муромцева–Бунина. – М.: Сов. Писатель, 1989.

9. Одоевцева, И.В. На берегах Сены / И.В. Одоевцева // И.А. Бунин: proet contra / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, коммент. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. – СПб.: РХГИ, 2001.

10. Телешов, Н.А. Записки писателя / Н.А. Телешов // И.А. Бунин: proet contra / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, коммент. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. – СПб.: РХГИ, 2001.

11. Толстой, Л.Н. Литература, искусство / Л.Н. Толстой. – М.: Просвещение, 1978.

12. Хализев, В.Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2000.

13. Черников, А.П. Проза И.С.Шмелева: Концепция мира и человека / А.П. Черников. – Калуга: Калужский обл. ин-т усовершенств. учителей, 1995.

14. Шмелев, И.С. Собр. соч.: В 5 т. / И.С. Шмелев – М.: Русская книга; Известия, 2000 - 2004.

Научные статьи и доклады магистрантов семинарии

Исследование гипотезы, выдвигаемой католическими исследователями, о связи между Воскресением Господа Иисуса Христа и феноменом радужного тела в тибетском буддизме

УДК 26/28

*Иерей Антоний Готман
магистрант БДС (с м/н)
Россия, г.Белгород
gotman@list.ru*

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза католического монаха Дэвида Стейндл-Раста о связи Воскресения Господа Иисуса Христа с феноменом радужного тела в тибетском буддизме. На основании проведенных исследований автор опровергает утверждение Дэвида Стейндл-Раста о том, что Воскресение Господа Иисуса Христа